

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Конференции, семинары,
круглые столы**

**«Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: ЛИТЕРАТОР, РЕЛИГИОЗНЫЙ
ФИЛОСОФ, СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТАТОР»**

Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения, 75-летию со дня смерти, 95-летию пребывания в Варшаве одного из крупнейших русских литературных деятелей XX в. Д.С. Мережковского. Варшава, 21–23 апреля 2016 г.

О.В. ПЧЕЛИНА

«...и трижды счастлив тот,
кто гимн свой до конца восторженно поет...»

Д. Мережковский

Инициаторами и организаторами конференции «Д.С. Мережковский: литератор, религиозный философ, социальный экспериментатор» выступили кафедра восточноевропейской культурологии Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета совместно с Институтом литературы Болгарской Академии наук.

Цель конференции состояла в привлечении внимания широких кругов международной общественности к чрезвычайно актуальным в наши дни идеям и проблемам, поставленным именно Мережковским.

Юбилейная конференция привлекла большое внимание научного сообщества: в работе приняли участие представители из различных регионов России, Польши, Болгарии, Черногории, Венгрии, Германии, Украины, Канады, Литвы, Латвии, Чешской Республики, Тайваня, Италии, Грузии. И это вполне объяснимо: по мнению организаторов конференции, творческое наследие Мережковского, отличаясь масштабностью, эрудицией, разнообразием художественных форм, не ограничивается рамками литературного жанра.

Отмечая «многопрофильную деятельность» Мережковского (творец оригинальных историософских романов, автор мегажанра романной трилогии, теоретик – основоположник символизма в России, критик – создатель религиозно-философского литературоведения, публицист – пророк массового человека XX столетия («грядущий Хам»), общественный деятель – один из инициаторов религиозно-философских собраний, мыслитель – выразитель идей нового религиозного сознания, политик – сторонник преобразований, определяемых «революцией духа»), организаторы конференции предлагали обсудить вопрос о границах социального института литературы, а также широкий круг

художественных, социокультурных, историософских и метафизических проблем, проследить их функционирование в современном поле культуры. Именно такой вектор, заданный организаторами, определил формат проведения конференции.

Символично, что юбилейная конференция проходила в год 200-летия Варшавского государственного университета — одного из знаменитых и престижных университетов Польши и Европы, который имеет богатые традиции и историю. На открытии конференции гостей и участников приветствовали: проф. *Дорота Урбанек* (декан по научной работе факультета прикладной лингвистики Варшавского университета), проф. *Алиция Володзько-Буткевич* (Союз писателей Польши), проф. *Людмила Луцевич* и доц. *Йордан Люцканов* (сопредседатели организационного комитета конференции, соответственно представляющие Варшаву и Софию).

В Программе конференции было запланировано девять заседаний, выстроенных в соответствии с тематикой докладов.

I заседание «**Мережковский: самосотворение, саморепрезентация, самоидентичность**» открыл *Алексей Холиков* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия) с докладом «*”Автобиографическая заметка” и стратегия самосотворения во втором прижизненном Полном собрании сочинений Д.С. Мережковского*». На примере единственной автобиографии Мережковского докладчик продемонстрировал, как писатель сознательно согласовывал автобиографический и художественный тексты, реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий — это произведения, а также подчеркнул, что публикация «Автобиографической заметки» в завершающем томе прижизненного «Полного собрания сочинений» (1914) приобретает особую значимость в свете вопроса о «жизнетворческой» стратегии Мережковского и может рассматриваться как источник и контекст всего издания.

В докладе *Вадима Полонского* (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия) «*Стратегии Д.С. Мережковского по завоеванию европейского литературного рынка в 1900-е годы: ранние методы саморепрезентации и западные “агенты влияния”*» речь шла о специфике освоения Д.С. Мережковским европейского литературного рынка. Среди составляющих стратегии Мережковского докладчик отметил формирование писательской репутации во Франции через системную работу по налаживанию контактов с ведущими французскими периодическими изданиями, выход на влиятельных критиков и переводчиков «со связями» в европейском литературном истеблишменте, использование политических деятелей и дипломатов, зачастую живущих в Европе. В. Полонский подчеркнул, что центральное место в ряду франкоязычных «агентов влияния» принадлежит служившему в Европе видному российскому дипломату графу М.Э. Прозору, которого Мережковский, приобщая к «новому религиозному сознанию» («Главному»), использовал для завоевания

разных секторов парижского литературного рынка и формирования своего писательского «образа» для международного читателя.

Завершило заседание выступление *Гражины Бобилевич* (Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша) с докладом «*Дмитрий Мережковский. Иконография портретов*», где отмечалось, что портрет, как наиболее философский жанр живописи (Ю. Лотман), приобретает свои собственные формы презентации, а характер портрета, выбор и трактовка модели оказываются следствием или выражением того или иного мировоззрения. Подчеркнув особенности российской культурной эпохи (в частности явление синтеза искусств) на рубеже XIX–XX вв., Г. Бобилевич интерпретировала портреты Д.С. Мережковского как визуальное выражение сложных космических процессов, происходящих в человеке и в его взаимоотношениях с миром, как способы моделирования его образа, обусловленные контекстуально и эстетически. Чтение доклада сопровождал показ портретов и других портретных изображений (фотография, рисунок, живопись) Д.С. Мережковского.

Отметим, что заданная первыми докладчиками высокая научная планка стала ориентиром конференции.

II заседание «*Творческое наследие Мережковского и религиозно-философская культура*» началось с выступления *Неды Андрич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), доклад которой «*Мессианские идеи и роль интеллигенции в романе Дмитрия Мережковского “Антихрист. Петр и Алексей”*» затронул темы интеллигенции, а именно – ее роли в общественных процессах, мессианизма как ключевой идеи русской интеллигенции, русской эсхатологической традиции и русской философии. На материале романа Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» Андрич проанализировала процесс становления интеллигенции, отметив тесную связь с утопическими идеями русского народа, с одной стороны, и с петровскими реформами – с другой. В докладе отмечено, что сущность мессианских идей корнями уходит в христианское мировоззрение, хотя в романе оно появляется в деформированном виде, отражающем эсхатологические и социально-утопические взгляды русского народа. Эсхатологические чаяния Мережковского, его концепция Третьего Завета, связанная с критикой «исторического христианства», были иллюстрированы обширными цитатами из романа Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» и сопоставлялись с историософскими идеями И. Флорского, Т. Гоббса, Ф. Достоевского. Полемическое обсуждение доклада свидетельствует о том, что вопрос об использовании мессианских идей современной русской общественной мыслью в попытках ее национальной самоидентификации, вопрос об отношении интеллигенции и народа были и все еще остаются нашими актуальными проблемами.

В докладе *Марии Кишондзер* (Литературное общество «Арион», Любек, Германия) «*П.Я. Чаадаев в оценке Дмитрия Мережковского (в контексте религиозно-философских концепций Серебряного века)*» обсуждалась тема

становления «нового религиозного сознания», одним из самых ярких проповедников которого был Мережковский, на фоне радикальных социокультурных изменений в жизни России начала XX в. В докладе отмечено, что личность и философия Чаадаева особенно интересовали Мережковского, поскольку давали возможность на основе анализа взглядов автора «Философических писем» обосновать свою собственную концепцию развития России. М. Кшондзер проанализировала две статьи Мережковского, посвященные личности и творчеству Чаадаева — «Революция и религия» (1908) и «Чаадаев. 1794—1856» (1915). Основное внимание Мережковский уделяет проблеме «всемирности» и соединению «правды личной», которая выражена в православии, с религиозной «правдой общественной», выраженной в католицизме, и подчеркивает, что отказ от православия и переход в католичество не был для Чаадаева приемлемым путем развития России, ибо он считал, что «спасение России не в православии и не в католичестве, а в новом, еще миру неизвестном раскрытии тех начал религиозной общественности, Церкви как Царства Божьего на земле, которые заключены в Благовестии Христовом»¹. Определяя всемирность как основную мысль Чаадаева, Мережковский вслед за первым русским философом видел будущее России во «всемирном соединении людей», которое может быть достигнуто только в грядущем Царстве «нового завета», воплощающем в себе полноту христианской истины.

Доклад *Елены Андрущенко* (Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, Харьков, Украина) «*Белинский, Гоголь, Грядущий Хам и желтолицые позитивисты*» прозвучал на III заседании «**Творческое наследие Мережковского и социальная трансформация**». Известно, что знаменитая статья Д.С. Мережковского «Грядущий Хам», опубликованная уже более ста лет назад (1906), получила множество интерпретаций, большинство из которых были так или иначе связаны с социокультурной ситуацией того времени. Доклад, где изложена концепция, в соответствии с которой «Грядущий Хам» глубже и точнее может быть понят в контексте исследований Д.С. Мережковского, посвященных Белинскому («Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции», 1915), Гоголю («Гоголь и черт. Исследование», 1906), футуризму («Еще шаг Грядущего Хама», 1917) и китайской литературе («Желтолицые позитивисты», 1895), является значимым дополнением к уже имеющимся интерпретациям статьи Мережковского. Согласно заявленной концепции, к анализу «Грядущего Хама» привлечено «окружение» — статьи в прижизненных изданиях, что дало докладчику возможность, с одной стороны, рассмотреть эту работу как один из элементов творческого сознания писателя и этап в осмыслении им судеб русской интеллигенции, а с другой — «по возможности обойти аллюзии с постсоветской действительностью, к которым эта статья Д.С. Мережковского вот уже более 20 лет подталкивает». Ключевыми и наиболее важными для осмысления стали такие понятия, как позитивизм, мещанство, вечная

середина, плоскость / пошлость, хам, слуга / лакей, чёрт / Антихрист, раб, интеллигенция / общественность; в докладе выявлен общий для них литературный и библейский интертекст. Такой анализ дал возможность исследователю предложить интерпретацию, в которой на первый план выдвигается мысль о том, что в «Грядущем Хаме» речь идет, прежде всего, о личности, освещенной религиозным светом.

Органичным продолжением темы прозвучал доклад «От “Грядущего Хама” к “Царству Антихриста”: Д.С. Мережковский о трансформации культуры в условиях революции», прочитанный *Ольгой Пчелиной* (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия). В докладе был представлен анализ восприятия революционных событий — одной из «наиболее спорных, масштабных и резонансных тем периода русского религиозного ренессанса» — Мережковским и деятелями культуры в России. Выдвинутая Д. Мережковским версия развития культуры в условиях революции («Грядущий Хам», 1905) прозвучала в унисон идеям Н. Бердяева, который подчеркнул невозможность «раболепного» подчинения культуры «самой некультурной из всех революций мира», презирающей культурные ценности, культивирующей хулиганство и хамские чувства («Революция и культура», 1905), но в противовес В. Брюсову, воспринявшему разрушительные силы как духовное обновление, когда революция открывала простор для грандиозных культурно-исторических перемен и созидания нового бытия («Грядущие Гунны», 1904) и А. Луначарскому, который видел в революции продвижение идей новой власти, отрицания религиозного смысла творчества в пользу революционного «живого творчества масс» («Об искусстве и революции», 1906). Усмотрев признак «Грядущего Антихриста» в октябрьской революции 1917 г., поставив знак равенства между Хамом и Антихристом, Д. Мережковский продолжал обличать уже «пришедшего хама» («Царство Антихриста», 1922). Доказывая разрушительность революционной энергии и невозможность подчинения культуры революционным идеям, Мережковский обосновал направляющую роль культуры в религиозном и общественном возрождении.

Уршула Церняк (Академия им. Яна Длугоша, Ченстохова, Польша), выступившая с докладом «“Вижу — меркнет Божья вера, тьма полночная растет...” Мережковский и старообрядцы», отметила, что секуляризация культуры, жажда истинной веры, поиск ответов на мучившие Мережковского экзистенциальные сомнения побудили его обратиться к истокам и опыту русского народничества. Она рассказала о месте старообрядчества в творчестве Мережковского, начиная с путешествия на озеро Светлояр в поисках «града незримого» Китежа, общения со старообрядцами на темы христианства, язычества и отступничества, Христа и Антихриста. В докладе упоминалось о том, что героем одной из поэм Мережковского, отрывки из которой попали в народные песенники и сборники старообрядческих стихов, стал “огнепальный” протопоп Аввакум.

IV заседание «Творческое наследие Мережковского: политика, религия, история» открыла *Людмила Луцевич* (Варшавский университет, Варшава, Польша) докладом «“Лицом к лицу...”: Две встречи Дмитрия Мережковского», в котором подчеркнула творческую многофункциональность Мережковского, его потребность в аксиологической самооценке, в испытании себя в роли философа, религиозного деятеля, политика, его стремление обосноваться не только на художественных, но и на иных интеллектуальных территориях. В центре доклада — две встречи Мережковского, два очерка — «Иосиф Пилсудский» (1920) и «Встреча с Муссолини» (1937). Докладчик выделила два повода для установления контактов Мережковского с европейскими диктаторами — идея свергнуть большевизм и желание выгодно продать свой труд. Л. Луцевич отметила, что очерки, представлявшие собой опыты символической рецепции личностей политиков-современников, продемонстрировали неприкрытый авторский сервилизм.

Доклад *Анны Савиной* (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия) «“Полюбить чудовище”: Д.С. Мережковский о Ж. Кальвине и “деле Сервета”» посвящен анализу личности Жана Кальвина, проведенному Мережковским сквозь призму конфликта между реформатором и испанским «еретиком» Мигелем Серветом, казнь которого до сих пор вызывает дискуссии. Мережковский считал теократию «глубочайшим религиозным опытом христианства», однако казнь представлялась ему «сатанинским» вариантом, поскольку основана на насилии. Основой конфликта, по Мережковскому, стало отношение к Апокалипсису: Сервет устремлен к нему и мыслит будущим, Кальвин тяготеет к Ветхому Завету, живет прошлым. В докладе было отмечено, что Мережковский считал Кальвина одним из величайших «демонических» явлений всемирной истории, однако при этом подчеркивал, что нельзя оценивать реформатора однозначно, поскольку именно Кальвин дал католической церкви толчок к внутренней реформе, а по мысли Мережковского, именно римская церковь должна стать основой для новой Реформации, которая объединит христианские церкви и установит Царство Третьего Завета.

Завершила работу заседания *Тамар Гоголадзе* (Горийский государственный учебный университет, Гори, Грузия) докладом «“Сосед” Д.С. Мережковского по эмиграции и литературному полю — Григор Робакидзе». В выступлении отмечены параллели творческих поисков «соседей» по эмиграции и литературному полю, в частности, увлечение символизмом, обоснование «мистической религиозности» искусства, художественное осмысление личности Муссолини, поиск истоков творчества Л. Толстого и т.д.

Заслуживает внимания выступление *Дины Магомедовой* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), открывшее V заседание «Мережковский и его идеи в восприятии современников».

Доклад «“Одичание — вот слово...”: Мережковский в “Записных книжках” Александра Блока» посвящен не отмеченному исследователями отклику Блока (ноябрь 1915 г.) на статью Д.С. Мережковского «Духа не угашайте», опубликованную в газете «Биржевые ведомости» и включенную в книгу «Невоенный дневник» (1917 г.). Д. Магомедова напоминает нам о том, что совпадение позиций по проблеме «культура и война» — случай нечастый в диалоге Блока и Мережковского². Усматривая в «убыли культуры» предвестие разрушения современной христианской цивилизации, Мережковский акцентирует внимание на губительности войны для культуры, предупреждает о наступлении нового варварства: «Есть пути в культуру из дикости, но нет из одичания». Описывая «одичание», Блок в своей заметке отсылает к умонастроению российского общества, к картинам тогдашнего Петербурга. В докладе уточняется, что в период 1903—1920 гг. отмеченный эпизод послужит продолжением разговора об искусстве и политике, начатого в 1912 г. («Искусство и газета» Блока и «В черных колодцах» Мережковского), откликнется в концепции «катакомбного» существования культуры в послереволюционной публицистике Блока.

Два последующих доклада были взаимоувязаны общей проблематикой и посвящены описанию личности Мережковского, «брачно-творческого» союза Мережковских, сделанному современниками, а также самой З. Гиппиус.

В докладе «*Дмитрий Мережковский в дневниках и воспоминаниях жены*» *Ивона Крыцка-Михновска* (Варшавский университет, Варшава, Польша) отметила уникальный характер союза, соединившего Мережковского с его женой, а именно — интеллектуальное единство и душевную гармонию, на которые обращали внимание современники Мережковских. В незаконченных воспоминаниях «Дмитрий Мережковский» (1951 г.) Зинаида Николаевна Гиппиус также подчеркивала исключительный характер их брака, утверждая, что Мережковский был для нее опорой и путеводной звездой в идейных исканиях. В докладе акцентируется внимание на том, что Гиппиус создала психологический портрет Мережковского — мифологизированный образ дальновидного политика, выдающегося религиозного писателя и пророка — идеализируя его (и свое) прошлое во имя будущего.

О том, что супружеская пара Мережковских не только разделяла совместные литературные мотивы и религиозно-философские взгляды, но и создавала неповторимый опыт собственной жизни, рассказала *Татьяна Йовович* (Университет Черногории, Подгорица, Черногория) в выступлении «*Жизнетворческая поэтика Д. Мережковского и З. Гиппиус: Жизнь всегда против течения бытия*». По мнению Т. Йовович, Мережковские не только противостояли в своем браке и жизни всем принятым нормам, но постоянно разыгрывали новые концепции, театрализовали жизнь. В качестве примера приведены литературные салоны в Доме Мурузи и в Париже («Зеленая лампа»), которые считались центрами

общественной жизни, где происходил невероятный обмен духовной и интеллектуальной энергии, а также «тройственные» союзы – совместные духовно-жизненные сообщества с Д. Философовым, позднее с секретарем Мережковских В. Злобиным, основание собственной церкви. Таким образом, боязнь обывательщины выразилась в духовном кочевничестве, которое стало одной из основных составляющих жизни Мережковских.

Екатерина Кузнецова (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия) в своем выступлении «*Отражение духовных исканий Д.С. Мережковского в симфонии “Кубок метелей” и романе “Серебряный голубь” А. Белого*» напомнила о влиянии духовных исканий Мережковского, его концепции «нового религиозного сознания» и чаяний о пришествии Царства Духа или Третьего Завета на творчество Андрея Белого, подчеркнула плодотворное взаимодействие религиозно-философской и художественной мысли в русской литературе Серебряного века.

VI заседание конференции, «**Мережковский в диалогах и контраверсиях с современниками**», объединило три доклада. Сообщение **Захара Давыдова** (Торонтский университет / Журнал “Toronto Slavic Quarterly”, Торонто, Канада) «*Волошин и Мережковский*» основано на материалах архива Максимилиана Волошина, хранящегося в Пушкинском Доме ИРЛИ в Санкт-Петербурге. Выступающий отметил, что Волошина и Мережковского объединяло стремление выразить «новое» мироощущение через «новое» искусство, желание расширить границы «художественного видения». Волошин высоко ценил романы Мережковского, посещал его лекции на религиозно-философских собраниях, их встречи происходили также в Париже (интересна в этой связи встреча и полемика Штейнера с Мережковским на квартире Волошиных в Париже). В завершение выступления Захар Давыдов отметил, что отношения Волошина и Мережковского образуют некий сюжет, в котором можно обнаружить немаловажные штрихи в писательском облике каждого из них.

Мария Цимборска-Лебода (Университет Марии Кюри-Скловской, Люблин, Польша) сделала сообщение на тему «*“Прискорбный промах?” Между Дионисом и грамматикой: Мережковский – Пушкин – Вяч. Иванов*». Речь шла о роли Мережковского как литературного критика и интерпретатора культурных текстов. Предметом и исходным моментом исследования стала интерпретация Мережковским и Вяч. Ивановым фрагмента стихотворения Пушкина «В начале жизни школу помню я (...)». В докладе сопоставлены смысловые и методологические позиции двух писателей, отмечается герменевтическое усилие Иванова, направленное на толкование смысла пушкинского “женообразного демона”; в качестве противоположения эксплицируется принцип контекстуального понимания культурных текстов у Мережковского с позиции читателя эпохи. Исходя из трактовки Мережковского, культура оказывается „символичной”, предполагая расширение границ и давая импульс новым истолкованиям.

Александр Медведев (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия) выступил с сообщением «*Св. Франциск Ассизский в творчестве Д. Мережковского и русская “францискиана” (Достоевский, Розанов, Дурьлин)*». В докладе была рассмотрена рецепция в творчестве Д.С. Мережковского такой ключевой фигуры западного христианского сознания, как св. Франциск Ассизский. Мережковский предстает как один из первооткрывателей этого святого в русской культуре — в поэме «*Франциск Ассизский (легенда)*» (1891), в книгах «*Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество*» (1901) и «*Франциск Ассизский*» (1938). Восприятие Мережковским св. Франциска раскрывается в контексте предшествующей интерпретации образа Франциска (Ф.М. Достоевский) и последующей, на которую Мережковский оказал непосредственное влияние, — религиозно-философской «францискианы» Серебряного века (В.И. Герье, В.В. Розанов, С.Н. Дурьлин).

Александр Федута (Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва) выступил на VII заседании «**Рецепция творчества Мережковского**», представив доклад «*Наш ответ Мережковскому! («Павел Первый» Д.С. Мережковского и «Двенадцать молодцев из табакерки» Вс.В. Иванова)*», в котором отметил, что стало традиционным рассматривать влияние Д.С. Мережковского на развитие темы Петра Первого в русской исторической прозе XX в. Вместе с тем российской истории посвящен не только роман «*Христос и Антихрист*», но и драма «*Павел Первый*», которая провоцировала своеобразные «ответы» писателю его советских «оппонентов». Примером одного из самых ярких «ответов» может служить исторический трагифарс Вс.В. Иванова, в котором автор «*Бронепоезда 14-69*» противопоставляет концепции Мережковского собственную концепцию, которая точно так же не вписывается в рамки исторических «предлагаемых обстоятельств».

Темой доклада **Вячеслава Крылова** (Казанский федеральный университет Казань, Россия) стала «*Рецепция критики и публицистики Д.С. Мережковского в пародиях начала XX века*». Отмечая тот факт, что критика как проявление недоумения/непонимания/недоброжелательности всегда сопровождала Мережковского, докладчик определяет жанр пародии как один из приемов литературной критики. Вячеслав Крылов выделил несколько типов пародийной рецепции: пародии на критические или публицистические работы Мережковского, на характерные приемы его критики, на речевые или риторические приемы, пародии на личность, внешний облик, жизненное поведение Мережковского, сатирические пародии в форме шаржей на страницах периодики начала XX в. Пародии отразили неприятие специфической «книжности» Мережковского, его склонность к отталкиванию от «чужого», проповеднический тон его религиозно-философской критики, нагнетание религиозно-мистической аргументации, апелляции к культурным именам эпохи Возрождения. Причем Мережковский

становится «героем» эпиграмм именно тогда, когда достигает «зенита» славы (конец 1900-х – начало 1910-х гг.) и приобретает «репутацию маститого и влиятельного писателя» (А.В. Лавров).

Роман Мних (Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша) представил доклад на тему «*О языках описания русской культуры Серебряного века: случай Дмитрия Мережковского*», в котором отметил, что современное изучение русской литературы рассматриваемого периода в культурном развитии России опирается на так называемые «языки описания культуры Серебряного века» и выделяет три языка описания: язык общий (охватывающий все явления Серебряного века), язык адекватный (выражающий сегодняшнее состояние литературоведения) и язык самого явления (отражающий историчность явления). Для интерпретации творческого наследия Мережковского как яркого представителя русской культуры Серебряного века Р. Мних предложил использовать научный язык, который объединяет все три вышеназванных.

VIII заседание «**Рецепция творчества Мережковского**» открыл **Андрей Гордин** (Латвийский университет, Рига, Латвия) с докладом «*Рецепция романов Д.С. Мережковского в Латвии: по материалам латвийской прессы 1920–30-х гг.*». Отметив, что взгляды Мережковского, его творческие методы находили отклик у многих его современников в Латвии и становились таким образом частью национальной культуры. Обращение к латвийской аудитории становится важным и для самого Мережковского, о чем говорит довольно большой пласт его произведений как в русской периодике Латвии того времени, переписка с некоторыми деятелями латвийской печати, так и переводы его текстов на латышский язык, критика его произведений в различных латышских изданиях.

Федор Винокуров (Независимый исследователь, Брно, Чешская Республика) сделал сообщение «*Вацлав Кёниг – переводчик Мережковского*», в котором отметил, что переводы «живого классика мировой литературы» Мережковского на чешский язык начали появляться в начале 1900-х гг., а в период с 1921 по 1936 гг. чешское издательство “Kvasnička a Nampl” осуществило масштабный проект бюджетного издания произведений Мережковского по-чешски под общим заглавием «Сочинения» (всего было выпущено 27 томов). Одним из участников этого проекта стал известный чешский журналист, публицист и переводчик Вацлав Кёниг (VáclavKönig).

«*Творчество Д.С. Мережковского в восприятии “китайского мира”*» – тема доклада **Алексея Волегова** (Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань), который рассказал, что в странах Азиатско-Тихоокеанского региона рецепция Мережковского, как и многих других русских писателей этого периода, началась в Японии в самом начале XX в. Первые переводы художественных произведений Мережковского на китайский язык также увидели свет в этой стране в 1920–1930-е гг. Публикации отражают сложный путь утверждения культурных цен-

ностей переходных эпох как в России, так и в «китайском мире». Так, публикация «Леонардо» на Тайване в 1964 г. (при негласном запрете на публикации всех русских писателей XX века) совпала с периодом начала культурной самоидентификации и демократизации тайваньского общества, в КНР подобная открытость наблюдается только с конца 1980-х гг., исследователей с Тайваня интересовали литературоведческие и теологические аспекты творчества Мережковского.

Заключительное, IX заседание конференции «**Рецепция личности и творчества Мережковского в европейских культурах**» было также представлено тремя докладами. *Ольга Богданова* (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия) подготовила сообщение «*Д.С. Мережковский и мюнхенское издательство "Пипер" в первой трети XX века (межкультурная трансляция концепта "земля")*». Известно, что издательство «Пипер-ферлаг» является лидером в продвижении творчества Мережковского в немецкую культурную среду первой трети XX в., при этом докладчик подчеркнула и источник интереса — личность Ф.М. Достоевского, в связи с чем работы Мережковского об авторе «Бесов» привлекли внимание немецких читателей и к его оригинальной прозе. Далее было отмечено, что немцы находили у русских писателей историософские ответы на вопросы о путях сохранения народного духа с его мистико-мифологическим богатством в условиях экспансии массовой буржуазно-либеральной городской цивилизации, приводившей цветущее многообразие культурных исторических народов к общему знаменателю безликой, мелкой повседневности. Мережковский принял участие в пиперовском издании первого ПСС Достоевского на немецком языке, подготовив 4 предисловия. Кроме того, в издательстве «Пипер» Мережковский выпустил 10 книг, среди которых — 5 сборников статей, затрагивавших аспекты концепта «земля» — одного из ключевых для русской ментальности. В трактовке Мережковского концепт «земля» позволяет раскрыть способ восприятия мира дихотомически: языческий смысл перекликался с учением Ф. Ницше, хилиастический — созвучен со «Святой плотью» апокалипсического «тысячелетнего царства» на земле. Последнее и предвещало концепции идеологов немецкой «консервативной революции» (в том числе о «Третьем рейхе») — А. Мёллераванден Брука, О. Шпенглера, близкого к ним в ту пору Т. Манна и др.

Джузеппина Джулиано (Университет г. Салерно, Салерно, Италия) в докладе «*Рецепция личности и творчества Д. С. Мережковского в Италии в первой половине XX в.*» проследила рецепцию творческой личности Мережковского в Италии. С этой целью были рассмотрены и проанализированы отзывы итальянской печати на прижизненные переводы произведений Мережковского на итальянский язык, а также отношения писателя с фашистской властью, в частности с Бенито Муссолини, с крупными итальянскими издательствами и с итальянскими деятелями культуры в период пребывания Мережковских в Италии в

30-е гг. Поскольку было отмечено, что особое внимание в Италии привлекла трилогия писателя «Христос и Антихрист», в частности роман о Леонардо да Винчи, становится понятным отдельно обсуждаемый доклад Мережковского «Леонардо и мы», с которым он выступил во Флоренции в 1932 г. В докладе уточнялось, что стихотворные тексты Мережковского редко переводились на итальянский язык, в то же время его анализировали как критика, полемиста, мыслителя и философа, у которого есть много общего с Владимиром Соловьевым.

Йордан Люцканов (Болгарская академия наук, София, Болгария) выступил с докладом «*Переводная и критическая рецепция Дмитрия Мережковского в Болгарии*», в котором отметил, что обильная литература по русско-болгарским литературным связям обходит молчанием Мережковского либо ограничивается упоминанием вскользь. Опираясь на работу Божанковой (2001), докладчик попытался ответить на вопрос о востребованности Мережковского в качестве писателя-модерниста (индивидуалиста, символиста); живого классика-беллетриста; христианского писателя; истолкователя русской классической литературы; политического радикала; классика (знатока европейской классической традиции и гуманиста), очертить его позиции в рамках литературного и, шире, культурного поля, проследить динамику синхронности – асинхронности между фактами болгарской рецепции Мережковского и фактами его творческой биографии.

Таким образом, конференция стала своего рода «книгой», а выступление Йордана Люцканова завершило работу над ней, вписав последнюю на данный момент времени новую страницу.

В рамках конференции участниками были проведены презентации монографий, запланировано издание сборника статей в журнале «*Toronto Slavic Quarterly*» (Торонто, Канада).

Подводя итоги конференции, участники отметили, что тема эта по-прежнему остается актуальной, поскольку творчество Д.С. Мережковского настолько многогранно, что перед исследователями открывается все еще очень обширное поле деятельности. Особенно ценным представляется целостное рассмотрение творчества Д.С. Мережковского, выявление взаимосвязей между различными сторонами его мировоззрения, а сопоставление идей Мережковского с воззрениями его предшественников и современников дает возможность ярче высветить особенности миропонимания русского символиста, полнее раскрыть философское значение его творчества, в очередной раз показать значимость и величие русской культуры и философской мысли эпохи русского религиозного ренессанса в европейском и мировом контексте.

Участники подчеркнули «серьезный и высоконаучный уровень конференции» (*Е. Андрущенко*), «продуктивность с точки зрения обмена научными мыслями» (*М. Цимборска-Лебода*), «высокий исследовательский уровень мерезковскведения» (*А. Холиков*), конференция была

оценена как «одна из самых блестящих» (З. Давыдов) и каждый докладчик был «награжден» оригинальной эпиграммой (автор А. Федута). От себя отмечу серьезность, глубину и увлекательность конференции, а также высокий организационный уровень и соблюдение принципов научной этики.

* * *

В продолжение разговора о творчестве Д. Мережковского 8–10 декабря 2016 г. в Москве была проведена Международная научная конференция «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов», приуроченная к 75-летию со дня смерти мыслителя.

Организаторами конференции выступили Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и журнал «Соловьевские исследования».

Отметим, что приняв «эстафету» от польских коллег, московская конференция расширилась не только тематически, но и географически: в конференции приняли участие исследователи из ведущих научных учреждений России – Института мировой литературы РАН, Института русской литературы РАН («Пушкинский Дом»), Института философии РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, а также крупных региональных научных центров (Саратов, Кострома, Владимир, Смоленск, Тюмень, Иваново, Йошкар-Ола). Кроме того, Организаторам конференции удалось привлечь к участию известных специалистов в области современного мерезковсковедения из Франции, Латвии, Венгрии, Польши, Японии, Великобритании, США.

Программа конференции (на которой состоялось около 50 выступлений) включала несколько проблемных полей: особенности поэтики, восприятие культурной традиции – от античности до русской классики XIX столетия, переводческие принципы, религиозно-богословские и общественно-политические воззрения, проблемы философского символизма, взаимоотношения с современниками – «далекими» и «близкими» – литераторами и философами.

Обзор Международной научной конференции «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов» предполагается опубликовать в одном из номеров журнала «Философские науки».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мережковский Дмитрий. Революция и религия // П.Я. Чаадаев: Pro et contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 1998. С. 314.

² Как известно, именно различное отношение к революционным событиям явились причиной значительных расхождений символистов во взглядах на социальную миссию культуры.